

К истории Сталинского террора

Ограничение Сталинского террора "Большим террором" 1937 г. фактически сводит понимание важнейших проблем истории советского общества, особенно истории его падения, к конкретной ситуации 1936-1937 гг.: "социализма", объявленного построенным, но не отвечавшим его признакам, о чем хорошо знали дожившие до этого момента большевики; бюрократии, не способной обеспечить выполнение планов, вынуждая вождя постоянно лгать об успехах; деревенских мужиков, все еще разбегавшихся не только из спецпоселений в нежилых районах, но и из родных деревень и т.д. Отсюда — всеобщий и мстительный характер "Большого террора" 1937 г. В моем представлении 1937 г. был временем апогея Сталинского "Большого террора", начатого в 1927 г.

В литературе распространены представления, связывающие Сталинский террор с "красным террором" эпохи гражданской войны. Определенная связь здесь действительно имеется, однако она ни в какой мере не исчерпывает сущности Сталинского террора. Больше того, уже в самом начале выявляется их принципиальная разнонаправленность. Известна полемика в среде большевистских лидеров весной 1925 г. по поводу возможности "прямого революционного действия" в экономических преобразованиях сельского хозяйства. Н.И.Бухарин в докладе на апрельском пленуме ЦК партии выступал против взглядов "некоторых товарищей", "чудаков", считавших возможным провести "насильственное экспроприирование кулака", «объявить крестьянской буржуазии "варфоломеевскую ночь», осуществить "вторую революцию" — "добавочную революцию по деревенской линии". Назывались даже сроки — "через два года"¹. На пленум спор не был вынесен, что вполне соответствовало Сталинской манере. Но именно через два года (в 1927 г.) Сталин начнет "вторую революцию", в которой особое место будет занимать "добавочная революция по деревенской линии".

Официальная версия "массовых операций" ОГПУ летом 1927 г. связывала их с возникшей угрозой войны: разрыв правительством Англии дипломатических отношений с Советским Союзом в мае, убийство советского посла П.Л.Войкова в Варшаве 7 июня, а также

¹ См.: Бухарин Н.И. Новые задачи в области нашей крестьянской политики // Правда. 1925. 24 апр.; *Он же*. Избр. произв. М., 1988. С. 137-138.

взрыв бомбы в партийном клубе Ленинграда потребовали принять решительные "ответные меры" в тот же день. Документы, относящиеся к тому времени, позволяют составить представление о действительном характере первого опыта сталинских репрессий и полностью отклонить ее официальную версию.

В июне-июле 1927 г. Сталин находился в Сочи, благодаря чему разворачивание рассматриваемых событий оказалось документально зафиксированным по дням и часам. Поздним вечером 7 июня из Москвы пришла шифровка, в которой сообщалось об убийстве Войкова: "Сегодня в Варшаве на вокзале... русским монархистом..." В ответ последовало следующее рассуждение: "Чувствуется рука Англии. Хотя спровоцировать конфликт с Польшей. Хотят повторить Сараево..." Предлагалось проявить "максимум осмотрительности" по отношению к Польше и сделать заявление о том, что "общественное мнение СССР считает вдохновительницей убийства партию консерваторов в Англии"¹. В действительности никакой угрозы войны в 1927 г. не было, и все это понимали.

Истерия по поводу внешней опасности нужна была сталинскому руководству для устранения любой оппозиции и сосредоточения всей полноты власти в собственных руках. Общеизвестной оппозицией в послереволюционной России были остатки монархических и вообще белых сил — остатки ничтожно малые и слабые, о чем свидетельствовала вся социально-политическая обстановка после гражданской войны. Однако их враждебность советскому строю не нуждалась в доказательстве. Именно поэтому они стали первым объектом сталинских репрессий. Шифрограмма Молотову весьма ярко об этом свидетельствовала: "Всех видных монархистов, сидящих у нас в тюрьме или в концлагере, надо немедленно объявить заложниками. Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов, объявив, что за каждую попытку покушения будут расстреливаться новые группы монархистов. Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами. Убийство Войкова дает основание для полного разгрома монархических и белогвардейских ячеек во всех частях СССР всеми революционными мерами. Этого требует от нас задача укрепления своего собственного тыла"².

Сталинская директива была отправлена из Сочи в 1 час 50 мин. 8 июня, поступила в шифрбюро ЦК ВКП(б) в 8 час. 40 мин. На протяжении одного дня телеграфная директива превратилась в решение Политбюро и в тот же день начала осуществляться ОГПУ на практике. Вечером 8 июня 1927 г. шифрограммой от Молотова

¹ Архив Президента Российской Федерации (далее — АПРФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 71. Л. 2, 4 об.

² Там же. Л. 2-3.

Сталин получил "сегодняшнее решение Политбюро"¹: опубликовать "правительственное сообщение о последних фактах белогвардейских выступлений с призывом рабочих и всех трудящихся к напряженной (!) бдительности и с поручением ОГПУ принять решительные меры в отношении белогвардейцев". ОГПУ предлагалось "произвести массовые обыски и аресты белогвардейцев" и не дожидаясь завершения этих операций, а сразу же "после правительственного сообщения опубликовать сообщение ОГПУ с указанием в нем на произведенный расстрел 20-ти видных белогвардейцев..." Более того, Политбюро ЦК ВКП(б) решило "согласиться с тем, чтобы ОГПУ предоставило право вынесения внесудебных приговоров вплоть до расстрела (!!) соответствующим ПП (Полномочным представителям ГПУ. — *В.Д.*)... виновным в преступлениях белогвардейцам". Было признано необходимым "усилить помощь ГПУ как работниками, так и материальными средствами"².

В принятых 8 июня 1927 г. решениях был представлен весь набор мер для развертывания массовых репрессий, точнее, для введения в действие уже созданного и подготовленного к этому действию репрессивного механизма. 9 июня 1927 г. в "Правде" появляется правительственное обращение, 10 июня — сообщение коллегии ОГПУ и приговор, принятый во внесудебном порядке, о расстреле 20 человек из "монархической белогвардейщины", приведенный в исполнение 9 июня, т.е. на второй день после ночной шифрограммы Сталина и "экстренного заседания" Политбюро. В сообщении ОГПУ был дан и поименный список расстрелянных, в котором преобладали стародворянские фамилии: П.Д.Долгоруков, Е.Н.Щегловитов, Б.А.Нарышкин, В.И.Анненков, А.А.Мещерский... Арестам и высылке как "белогвардейско-монархические организации" подверглись группы старой русской интеллигенции, собиравшиеся время от времени для обсуждения литературных произведений, просто для дружеских бесед³.

В ставших доступными документах ОГПУ сообщалось, что "во время июньской операции" было проведено до 20 тыс. обысков и арестованы 9 тыс. человек. Оказалось, что основные операции ОГПУ были проведены в деревне зерновых районов — на Украине, в Центральном Черноземье, на Дону и Северном Кавказе, но не только в них. Арестам подвергались прежде всего "бывшие" — бывшие помещики, бывшие белые, особенно вернувшиеся из-за границы ("репатрианты"), а также "кулаки и буржуи", "торговцы", "попы и церковники"... В общественном мнении деревни аресты связывались чаще всего с военной опасностью: "...будет на днях

¹ В протоколе заседания Политбюро № 109 (особый № 87) оно было названо "экстренным". См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 35.

² АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 71. Л. 6; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 35.

³ См.: *Виноградов В.К.* Зеленая лампа // Независимая газета 1994. 20 апр.

война", "...война скоро будет объявлена", "...война, очевидно, начата"...¹ Есть все основания полагать, что 9/10 арестованных составляли жители деревни.

К сожалению, мы еще не знаем ни численности, ни состава, ни судеб людей, пострадавших в первой волне сталинских репрессий. В докладной записке В.Р.Менжинского в Политбюро ЦК ВКП(б) о результатах "операций" от 19 июня 1927 г. говорилось: "ОГПУ предполагает число расстрелянных ограничить сравнительно небольшой цифрой, передавая дела главных шпионских организаций в гласный суд". Гласных судов не было, но репрессии не ограничивались расстрелом 20 "сиятельных", как их немного позже поименует Сталин.

Прекращение "операций" ОГПУ в какое-то ограниченное время не было запланированным. Во всяком случае, 26 июня 1927 г. в ответном письме И.В.Сталина В.Р.Менжинскому, обратившемуся с просьбой об указаниях по поводу проводимых "операций", речь идет не об уже выполненном или завершающемся поручении, а о продолжении и развитии только-только начатого. "За указаниями обратитесь в ЦК, — говорилось в сталинском письме. — Мое личное мнение: 1) агенты Лондона сидят у нас глубже, чем кажется и явки у них все же останутся; 2) повальные аресты (!) следует использовать для разрушения английских шпионских связей, для [внедрения] новых сотрудников из арестованных... и для развития системы добровольчества среди молодежи в пользу ОГПУ и его органов; 3) хорошо бы дать один-два показательных процесса по суду по линии английского шпионажа..." В пунктах 4-м и 5-м говорится о "публикации показаний" арестованных и уже расстрелянных, что "имеет громадное значение, если обставить ее умело..." Наконец, в пункте 6-м предлагалось "обратить внимание на шпионаж в Военно-авиации, флоте"².

Перед нами в основных чертах программа сталинских репрессий, осуществленных в 1936—1938 гг. Однако слова о "повальных арестах", о "показательных процессах", об иностранном "шпионаже" и т.п. отнесены автором письма не к будущим, а тем более отдаленным временам, а к настоящему — к уже начавшемуся в июне 1927 г., но еще не решавшему главных задач. Среди них на первом месте оказался разгром внутрипартийной оппозиции, т.е. собственно большевистской оппозиции утверждавшейся диктатуре новой бюрократии.

Расправа с "объединенной оппозицией" занимала тогда в сталинских требованиях столь же важное место, как и проведение "повальных арестов монархистов и всякого рода белогвардейцев". И то и другое мотивировалось военной угрозой. Речь шла пока еще "всего лишь" об исключении Троцкого, Зиновьева, Каменева и дру-

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. 1927-1939. В 5 т. М., 1999. Т. 1. 1927-1929. С. 77-82.

² АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 71. Л. 22.

гих оппозиционеров из состава ЦК партии. 14 июня "тов. Молотову и для всех членов Политбюро" посылается шифровка: "Узнал о решении отложить вопрос до съезда. Считаю решение неправильным и опасным для дела... Нельзя укреплять тыл (!), поощряя гнусную роль дезорганизаторов центра страны... (Это Троцкий-то, сыгравший выдающуюся роль в победе и над белыми, и над иностранными интервентами?! — В.Д.) Ввиду равенства голосов прошу вновь поставить вопрос в ближайшие дни и вызвать меня... В случае неполучения ответа [в] трехдневный срок (!) выезжаю в Москву без вызова"¹.

17 июня Молотов сообщает о том, что делом "о дезинформаторах" занимается ЦКК — "оценка будет дана, но вывод из ЦК не принят"². Это значило, что Бухарин, Рыков и Томский опять проголосовали против вывода из ЦК Троцкого и Зиновьева. Сталинская ярость пронизывает каждое слово ответа, посланного в тот же день Молотову, членам и кандидатам Политбюро, Секретариату ЦК и ЦКК: "При равенстве голосов по важныш вопросам обычно запрашивают отсутствующих. Вы забыли об этом. Я счел уместным напомнить..

1) Курс на террор, взятый агентами Лондона, меняет обстановку в корне. Это есть открытая подготовка войны. В связи с этим центральная задача состоит теперь в очищении и укреплении тыла, ибо без крепкого тыла невозможно организовать оборону... чтобы укрепить тыл надо обуздать оппозицию теперь же, немедленно. Без этого лозунг укрепления тыла есть пустая фраза...

...4) Исчерпаны давно все средства предупреждения, остается вывод из ЦК обоих лидеров как минимально необходимая мера"³.

20 июня расширенное заседание Политбюро проголосовало так, как требовал Сталин, о чем тотчас же было ему сообщено Молотовым: "Большинством принято решение о выводе из ЦК двоих"⁴.

Следующий шаг состоял в секретном ("особом") решении Политбюро от 24 июня, подтвержденном 27 июня 1927 г., о публикации Обращения ЦК "в связи с возросшей опасностью войны и попытками белогвардейщины дезорганизовать наш тыл". Обращение предлагалось завершить "практическими выводами" о работе партии, советов, профсоюзов, кооперации "в отношении поднятия обороны и Красной Армии".

Практическое осуществление программы "укрепления обороны" начиналось с деревни. 6 июля 1927 г. всем Полномочным представительствам и начальникам губотделов ОГПУ было разослано циркулярное письмо о задаче "оперативного воздействия на деревенскую контрреволюцию", поскольку "в ряде районов Союза, особенно на Украине, Северном Кавказе и Белоруссии, Закавказье и

¹ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 71. Л. 8.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 13-14.

⁴ Там же. Л. 25.

на Дальнем Востоке, мы имеем в деревне некоторые элементы, на которые зарубежная контрреволюция сможет опереться в момент внешних осложнений"¹.

Нагнетание оборонного психоза имело своей задачей дальнейшее развертывание массовых репрессий как средства осуществления сталинской политики. Однако выполнение программы военизации жизни страны встретило сопротивление в высшем партийном и советском руководстве того времени. Н.И.Бухарин и А.И.Рыков еще до "Недели обороны" (7 июля 1927 г.) добились принятия на Политбюро постановления "О директивах для печати", изменяющих тональность освещения военных вопросов в прессе: значение информации о подготовке войны "со стороны империалистов", конечно, подчеркивалось, однако указывалось, что "сроки развязки неизвестны", а главное, что "наряду с этим печать должна освещать и подчеркивать (!) все явления в заграничной жизни, которые идут в той или иной мере против развязывания войны или за ее оттяжку", "давать информацию как о воинственно-агрессивных выступлениях буржуазных деятелей и буржуазной печати, так и о выступлениях последних против или за оттяжку войны и против агрессивных мер в отношении СССР..." Во внутренней жизни "печать не должна раздувать отдельных, хотя бы и опасных явлений" — поджоги, покушения и т.п., "сообщать о них с максимальным спокойствием, уделяя им то место, какое они действительно занимают во внутренней жизни"².

Возвратившийся из отпуска Сталин предпринял попытку дать новый импульс военизации всей внутренней жизни в стране. 28 июля 1927 г. в "Правде" появились его "Заметки на современные темы", начинавшиеся с утверждения "о реальной и действительной угрозе новой войны", как "основном вопросе современности", а «не о какой-то неопределенной и бесплотной "опасности"»³. Однако к этому времени выявился действительно массовый характер антивоенных настроений, перерастающих в пораженческие и охватывающих все слои общества. Документы ОГПУ свидетельствовали о "пораженческих выступлениях по городу и деревне (рабочие, крестьяне, буржуазно-напманские элементы, сельинтеллигенция)", о распространении "рукописных и печатных листовок и воззваний пораженческого характера", о случаях "массового проявления панических настроений: закупка предметов первой необходимости, отказы принимать совденьги, распродажа скота и т.п."⁴ Сталинскому руководству пришлось отказаться от нагнетания военного психоза, однако "следы" его не могли исчезнуть сразу — население страны слишком хорошо помнило военные бедствия 1914-1920 гг. Неожиданный

¹ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ РФ). Ф. 66. Оп. 1. Д. 174. Л. 224.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 63-64.

³ Сталин И.В. Соч. М., 1948. Т. 9. С. 322.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 383. Л. 92.

шквал "чрезвычайных" хлебозаготовок в первые дни января 1928 г. сразу же напомнил о недавнем пропагандистском шуме и сказался на поведении крестьян. Сибирский крайком ВКП(б), получив грозное постановление ЦК от 5 января 1928 г. о срыве плана хлебозаготовок, разослал окружкам телеграфное послание, открывавшееся оценкой последствий военной пропаганды: "Значительным препятствием проведению хлебозаготовок является убеждение крестьянства [в] неизбежности войны [в] ближайшее время, являющееся главным образом результатом неумной агитации военной опасности... Необходимо... создавать [в] среде крестьянства убеждение [в том, что в] ближайшее время при условии укрепления экономической мощи государства можем вполне рассчитывать [на] мирное строительство. Голую агитацию военной опасности, готовящихся нападений, необходимо прекратить"¹.

Затянулось и исключение из партии "объединенной оппозиции" (прежде всего из-за сопротивления группы Бухарина) до пленума ЦК и ЦКК в октябре и XV партсъезда в декабре 1927 г., что также ограничивало сталинские возможности. Развязать репрессии в планируемых формах и масштабах в 1927 г. Сталину не удалось. Однако проведение репрессивными органами "массовых операций" против считающихся враждебными социальных групп, особенно в деревне, возобновились с первых же дней 1928 г. "Чрезвычайные" хлебозаготовки сопровождалась, как известно, обысками, арестами и судами, не говоря уже о "перегибах", которых руководство не замечало.

Весной 1928 г. состоялся и первый показательный судебный процесс, сфабрикованный ОГПУ по сталинскому заданию и проходивший на всех стадиях под непосредственным контролем генсека, — дело о "вредительской организации" инженеров угольных шахт и правления треста "Донуголь" в г. Шахты. "Шахтинское дело" было первым открытым процессом, демонстрирующим новое направление сталинских репрессий, и поэтому нуждалось в обсуждении и принятии специального решения на пленуме ЦК в апреле 1928 г.², когда сопротивление Рыкова и Бухарина еще имело значение.

Следующие четыре дела о "контрреволюционном вредительстве" проводились в 1929-1931 гг.: дело "Промпартии", дело меньшевистского "Союзного бюро ЦК РСДРП", дело "Трудовой крестьянской партии" и "Академическое дело" (дело известного историка академика С.Ф.Платонова). Из них на показательные судебные процессы было вынесено рассмотрение дел "Промпартии" и "Союзного бюро". Оба других дела закончились внесудебным вынесением приговора, поскольку была совершенно очевидна несостоятельность обвинения из-за отсутствия факта преступления. Все названные

¹ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 120. Л. 47.

² См.: Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928-1929. М., 2000. Т. 1. С. 156-332, 325-332.

"дела" целиком относились к представителям старой (дореволюционной) интеллигенции, не совершавших "измен" и "обманов", способных к самозащите на открытом суде. Не случайно и вынесение судами приговоров без расстрелов, которые были заложены в основу сталинской программы показательных процессов (см. цитированное выше письмо Сталина Менжинскому от 26 июня 1927 г.).

На показательных судебных процессах 1928-1931 гг. была фактически отработана технология будущих процессов 1936—1938 гг. Сыграли они свою роль и в ряде серьезных изменений действовавшего уголовного права. Отметим абсолютно чуждое принципам и содержанию любого уголовного права введение 8 июня 1934 г. закона об "объективном вменении", в соответствии с которым стало возможным привлечение к ответственности лиц, не виновных и никоим образом не причастных к преступлению, а также усиление системы внесудебного разбирательства — особого совещания при наркоме внутренних дел с подведомственными ему "тройками" (постановления от 10 июля и 5 ноября 1934 г.).

Историко-юридические исследования еще в 50-60-х годах показали необоснованность утверждений о том, что законодательные основания для массовых репрессий стали создаваться после убийства С.М.Кирова, что первым нарушением принципов законности было Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 декабря 1934 г. Этот закон, установив особый порядок расследования и рассмотрения "дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти", не начинал, а завершал подготовку к массовым репрессиям¹. Поэтому его осуществление не потребовало каких-либо дополнительных организационных или юридических мер, началось сразу же и повсеместно.

При ограничении репрессивной политики показательными судебными процессами и объявленными приговорами коллегии ОГПУ "Большой террор" неизбежно сведется к событиям 1937-1938 гг., а все то, что было раньше, будет восприниматься всего лишь как "путь к террору". Окажутся отброшенными "массовые операции" ОГПУ в деревне при проведении раскулачивания, ликвидации "контрреволюционных организаций" и "антисоветских групп", сопротивления заготовкам сельхозпродуктов и т.п. Для тех, кто занимается судьбами крестьянства, составлявшего 80% населения страны, сталинский террор начался в 1927—1929 гг. и сразу принял масштабы и характер "Большого террора".

В истории сталинского террора особое значение имела директива Политбюро от 3 октября 1929 г., обязавшая ОГПУ и Наркоматы юстиции РСФСР и Украины "принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организу-

¹ См.: Вопросы Советского государства и права: Сб. статей. М., 1957. С. 290; 40 лет советского права. Т. 1. С. 605; Т. 2. С. 485-486, 581-583 и др.

ющих террористические нападения на совпарработников и другие контрреволюционные выступления (вроде создания повстанческих организаций кулаков и кадрового офицерства...)". Предписывалось в "случаях, когда требуется особая быстрота, карать через ГПУ", не прибегая к судебным органам¹. Речь шла о хлебозаготовках с плановыми заданиями "кулацким хозяйствам", которые при невыполнении увеличивались до пяти раз ("кратировались"), затем вели к конфискации имущества, ликвидации хозяйства и аресту главы семьи как "спекулянта", а если оказывал сопротивление, то и как "контрреволюционера".

"Кулацкий террор", ответом на который представлялись аресты за "к/р преступления", был ничтожен: 71 убийство, 62 ранения, 270 избиений, 164 покушения... Было зарегистрировано также 91 "массовое выступление крестьян", но даже в справке ОГПУ они не назывались контрреволюционными². Когда составлялись эти справки, до конца года оставалось еще почти два месяца, по истечении которых число арестованных в деревне достигло 47 564 человек³. Это данные системы ОГПУ, без учета арестованных системой Наркомюста.

Несоразмерность кары с "преступлением" всегда отличало сталинские репрессии. В данном случае нужно учитывать и начинавшуюся организацию системы концентрационных лагерей, нуждавшейся в срочном обеспечении рабочей силой, предназначенной для каторжного труда. Основным "поставщиком" рабочей силы для ГУЛАГа на всех этапах его существования была деревня.

Присоединение к кулакам "кадрового офицерства" в директиве Политбюро от 3 сентября 1929 г. не было случайным эпизодом. Оно вошло в политику раскулачивания как основной формы массовых репрессий в деревне, обеспечивая устранение не только кулаков, как нежелательного социального слоя, но и всех тех, кто не приемлет государственного насилия, кто способен к протесту и сопротивлению. Соответственно формулировались с самого начала практические директивы по проведению раскулачивания. 11 января 1930 г. руководство ОГПУ разослало на места сообщение о постановке задачи "удара по кулаку". При этом разъяснялось, что задача не ограничивается кулаками, а включает весь ряд "организаций, группировок, одиночек", относимых к "кулацко-белогвардейско-бандитскому элементу"⁴. Как видим, не были "извращениями" и "перегибами" расправы в ходе раскулачивания с лицами, не имевшими отношения ни к кулакам, ни к сельскому хозяйству. Операции ОГПУ против контрреволюционеров и антисоветчиков в дерев-

¹ См.: Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 714.

² Там же С 742-744.

³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 20. Л. 111-123.

⁴ См.: Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 104.

не продолжались и в очень значительных масштабах. Вот сведения о численности "арестованных по 1-й категории" на 1 октября 1930 г. За первый период операции по раскулачиванию (по 15 апреля) были арестованы 140 724 человека, в том числе кулаков — 79 330 (56,3%), церковников — 5028, бывших помещиков, фабрикантов "и т.п." — 4405, а "проч. АСЭ" (антисоветских элементов) — 51 961. За второй период операции (с 15 апреля по 1 октября) были арестованы 142 993 человека, в том числе кулаков — 45 559 (31,9%). Остальные 97 434 человека, включая и священников и "бывших", оказались отнесенными просто к АСЭ¹.

Сведения о приговорах арестованным отрывочны и ограничены. Однако имеющиеся неполные сведения о приговорах, вынесенных в системе ОГПУ за 1930 г., свидетельствуют о действительно "Большом терроре": общее число "прошедших тройки" и "коллегии" — 179 620 человек (в 1927-1929 гг. это число колебалось между 4,1 и 6,6 тыс. человек), из них были переданы в органы НКЮ и освобождены — 14 287 человек (7,9%), приговорены к расстрелу — 18 966 (10,6%), остальные отправлены в лагеря и ссылку². В этой справке недостает сведений о более, чем 100 тыс. арестованных. При расстреле каждого десятого, как это получается по рассматриваемым данным, общая численность убитых за 1930 г. вырастает до 30 тыс. человек.

Теперь о месте крестьянских семей, раскулаченных по 2-й категории, в системе сталинского репрессивного режима. Вслед за лагерной статистикой ГУЛАГа современная литература часто включает спецпереселенцев (в 1934-1944 гг. — трудпоселенцев) из состава репрессированных, несмотря на их приговоренность к высылке и принудительному труду, на содержание в спецпоселениях под жесткой охраной и, следовательно, лишенных личной свободы. В действительности организация спецпоселений означала создание в стране второй системы концентрационных лагерей, не столь жесткой по условиям труда и быта, как ГУЛАГ, но по сущности единой с ней.

На предыдущей сессии нашего симпозиума в полемике о сущности и значении сталинского режима в развитии советского общества мной приводились сведения о судьбах спецпереселенцев — о бесчеловечности выселения в необжитые районы страны раскулаченных семей, лишенных минимальных условий для жизни и труда, о неизбежной гибели десятков тысяч первопоселенцев, особенно детей и стариков³. По данным ОГПУ общая численность выселенных в спецпоселения с начала 1930 г. до 30 сентября 1931 г.

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 329. Л 252.

² См.: Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 809-810.

³ См.: Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микро-уровней современного трансформационного процесса. М., 2001. С. 62-67.

составила 517 665 семей общей численностью 2 437 062 человека¹. В официальной статистике спецпоселенцев называется постепенно сокращающаяся численность — с 1,3 млн человек на 1 января 1932 г. до 1 млн на 1 января 1940 г. с ежегодным выбытием и прибытием в среднем по 200-300 тыс. человек с некоторым превышением выбытия в результате смертности и побегов².

Для сталинского руководства не было проблемы с вымиранием спецпоселенцев. 20 февраля Политбюро приняло продиктованное Сталиным решение, обязывающее ОГПУ за шесть месяцев "подготовить... районы для устройства кулацких поселков тысяч на 200-300 кулацких семейств под управлением специально назначенных коммунистов". Постановление было выполнено с повторением массового вымирания и бегства спецпоселенцев, что, между прочим, объясняет отсутствие относящихся к 1930 и 1931 гг. данных в официальной статистике. Однако такие результаты для Сталина не имели значения. Задания на 1932 г. остались в том же объеме, а на 1933 г. первоначально были чудовищно увеличены.

В начале февраля 1933 г. из ОГПУ на места были разосланы плановые задания, согласно которым Западная Сибирь должна была принять для расселения "до конца навигации" 1 млн спецпереселенцев в северных районах, в том числе 100 тыс. "для завоза до открытия навигации". Всегда исполнительное руководство Западно-Сибирского крайкома партии заявило, что задание "совершенно нереально", что возможно расселение в крае "не более 250-270 тыс. человек" при условии получения огромных средств "на проведение операции", кредитов и стройматериалов на сооружение поселений, "завоза 25 тыс. лошадей из других краев и республик" (поскольку "в крае имеется резкое снижение количества лошадей"), наконец, обеспечения элементарных условий существования и труда спецпоселенцев³. Р.Эйхе 10 февраля обратился по этому поводу лично к Сталину, поскольку знал, что такие "плановые наметки" ОГПУ составляет по указаниям генсека.

Очевидно, аналогичные отказы принять "плановые наметки" расселить 1 млн спецпереселенцев в Казахстане и 230 тыс. на Урале и Севере поступили и от партийного руководства названных районов. Во всяком случае следующий вариант плана выселения по всем районам страны разрабатывался ОГПУ во второй половине апреля. В первом черновом варианте (от 14 апреля 1933 г.) общая численность выселяемых "к/р кулацких и преступных элементов" составляла 306 243 семьи численностью в 1 294 500 человек. Последний вариант "Ориентированного плана выселения к/р кулацких

¹ НА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 79. Л. 2-3.

² См.: Население России в XX веке Т. 1. С. 279-280.

³ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938: Сб. документов. Новосибирск, 1994. С. 76-78.

элементов в 1933 г." намечал выселить 260 тыс. семей и 1 млн человек. Рядом с подписями разработчиков плана имеется резолюция: "Утверждаю. Г.Ягода. 2/V.33"¹. На обороте таблицы имеется помета: "По распоряжению т. Ягоды в архив... 8/V.33"².

Мы не знаем, что произошло с 3 по 8 мая 1933 г., но случилось что-то такое, что заставило Сталина радикально изменить курс на форсированное развертывание спецпоселений и соответственно выселение крестьянских семей в нежилые районы страны. Возможно, это было связано с осознанием тяжелейших последствий голода в хлебопроизводящих районах, которые не могли не сказаться на начавшемся весеннем севе. Однако до начала мая эта проблема не возникла. Еще продолжалась начатая в январе охота за крестьянскими семьями, бежавшими от голодной смерти с Украины, Северного Кавказа и Поволжья.

Массовое бегство крестьян в поисках спасения было представлено организованной "врагами" агитационной кампанией против колхозов и советской власти. В соответствии со сталинским постановлением от 22 января 1933 г., беглецов от голода вылавливали и возвращали "в места их жительства", т.е. обрекали на голодную смерть. Выявленные среди них "к/р элементы отправлялись в концлагеря или спецпоселения Западной Сибири и Казахстана"³. По сведениям ОГПУ от 21 апреля, с октября 1932 г. по май 1933 г. выселялось 33 785 семей "к/р кулацких элементов" численностью в 147 283 человека (многие из них находились в пути или ожидали отправления)⁴.

Выселение раскулаченных семей в голодную зиму не прерывалось, и сталинское руководство было его инициатором и держало под постоянным контролем. Фактом является и то, что несмотря на голод, разрабатывались непосильные для страны планы выселения в качестве спецпереселенцев уже не сотен тысяч, а миллионов крестьян. Поэтому нет никаких оснований для предположения о каком-либо самостоятельном внутреннем прозрении Сталина, которое неожиданно для всех проявилось в принятии 8 мая 1933 г. директивы ЦК и Совнаркома "О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения". В этом документе объявлялся состоявшимся разгром "наших классовых врагов в деревне", что создало "новую благоприятную обстановку, дающую возможность прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий в деревне". Сталинское руководство выступает вдруг с осуждением репрессий: "В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1309. Л. 2-10.

² Там же. Л. 10 об

³ См.: Кто и куда стремится вести Россию?.. С. 67-68.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1309. Л. 17.

массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников... Арестовывают все, кому только не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Не удивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: сначала арестовать, а потом разобраться...

Все это говорит о том, что в областях и краях имеется еще немало товарищей, которые не поняли новой обстановки и все еще продолжают жить в прошлом". Правда, все эти слова тут же перечеркивались "разъяснением", что "классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться, так как классовый враг видит, что... наступили последние дни его существования..."¹

Точно таким же было требование "немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян", "допускать" их только в индивидуальном порядке и "только тех хозяйств (т.е. семей. — В.Д.), главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок". Далее следовал перечень 14 "областей", из которых допускается выселение с указанием "предельных количеств", в сумме составивших "всего 12 тыс. хозяйств"². "Области" (в их числе Украина, Северный Кавказ, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Средняя Азия и т.д.) охватывали практически всю территорию СССР. Установленный же "предел" выселения на практике был многократно перекрыт: по официальным данным за 1933 г., в спецпоселения поступило из других районов страны 268 091 человек, что примерно соответствовало 67 тыс. семей³.

Содержание директивы от 8 мая 1933 г. приводит к выводу о ее появлении в ответ на отказ местного партруководства принять развертывание гигантской системы спецпоселений как "совершенно невозможные". Позиция Западно-Сибирского крайкома выразила общее мнение такого слоя местных властителей, которым Сталин еще не мог пренебречь. Отсюда — критические выпады в адрес руководства "ряда областей", требования "немедленного" исправления недостатков и раздраженная тональность. Но с этим связано и другое: были отодвинуты в неопределенное будущее фантастические планы выселения в нежилые, но богатые лесами и ископаемыми районы миллионов крестьян, с превращением их в полукрепостных-полукаторжан. Отказа от спецпоселений не произошло, что означало продолжение выселения, а тем самым и раскулачивания. Существование спецпоселений требовало постоянного пополнения из-за высокой смертности и массового бегства. Достаточно

¹ Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 747.

² Там же. С. 748.

³ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. С. 279.

сказать, что общая численность спецпоселенцев уменьшилась с 1317 тыс. в 1932 г. до 997 тыс. в 1940 г., хотя за это время прибыло 2176,6 тыс. новых спецпоселенцев¹.

Для темы настоящего доклада важно отметить роль спецпоселений в формировании особой группы в населении 30-х годов — *группы "беглых кулаков"*. В их составе спецпоселенцы являлись, наверное, самой массовой группой: за 1932-1940 гг. число беглецов из спецпоселений составило 629 042 человека, из коих было поймано и возвращено — 235 120 человек². Появившиеся зимой-весной 1930 г. "беглые кулаки" в представлении властей станут силой, пополнявшей отряды "бандитов", ряды "террористов" в деревне и "вредителей" в городах и на стройках... Они же окажутся одним из постоянных объектов массовых репрессий. "Кулацкая операция" по приказу ОГПУ № 00447 станет одной из главных в "Большом терроре" 1937-1938 гг.

Конечно, в "Большом терроре" на передний план выдвинулись открытые судебные процессы над большевистской оппозицией сталинизму. Расправа над этой оппозицией, т.е. над подлинными лидерами Октябрьской революции с их устремленностью к социализму, с их творческим поиском путей и средств строительства нового общества, для сталинского руководства стала первоочередной задачей еще в 20-х годах. Именно они были главными врагами сталинизма и подлежали полному уничтожению и поруганию. Потребуются специальные исследования социально-политических, профессиональных, религиозных и этнических категорий жертв 1937-1938 гг. Среди них окажутся и многие исполнители сталинской политики, в том числе и террора, что, впрочем, характерно для кровавых диктатур любой масти. Но основной жертвой "Большого террора" оставались мужики — "кулацкий и уголовный элемент". Уголовным считался беглый, скрывающийся, особенно из тех, кто отбыв лагерный срок, бежал в родные края, а не оставался в соседствующих с лагерями спецпоселениях...

Инициатива принадлежала Сталину, о чем свидетельствует собственноручно написанная им 2 июля 1937 г. директива: «Послать секретарям обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий следующую телеграмму: "Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных в одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности. ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций, всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет возвратившихся на родину кулаков и уго-

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. С. 279-280.

² Там же.

ловников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки. Остальные, менее активные, но все же враждебные элементы, были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке". Секретарь ЦК Сталин»¹. Далее идут подписи Сталина, Кагановича, Жданова, Чубаря, Молотова, Ворошилова и Микояна.

3 июля эта директива была принята Политбюро дословно. ОГПУ был разработан известный приказ № 00447, принятый Политбюро 30 июля 1937 г. По созданной по всей стране системе специальных "троек" без суда и следствия арестовывали и распределяли по категориям — первая категория означала расстрел, вторая — отправку в лагеря ГУЛАГа. Ныне опубликованы результаты выполнения приказа № 00447: с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. были арестованы 787 397 человек, из них расстреляны 386 798 человек и 380 599 отправлены в лагеря. Общее число жертв "Большого террора" с 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938 г. составило 1 565 041 человек, из которых были расстреляны 668 305².

В рамках доклада на симпозиуме можно не говорить об организаторах и исполнителях "Большого террора", который для народных масс начался со сталинской "революции сверху" (1927-1929 гг.). Они ясны, начиная с фигуры Сталина, в руках которого оказалась неограниченная власть, очень быстро превратившаяся в кровавую диктатуру. Командно-репрессивная система управления превратила бюрократию в господствующий класс, совершивший на рубеже 80-х и 90-х годов термидорианский переворот.

Важнее сказать о других — о тех, кто был расстрелян или погублен в лагерях. Это была наиболее трудоспособная и наиболее социально-активная часть населения, люди с самостоятельным суждением и стремлением его открыто высказать, наконец, способные оказать сопротивление несправедливости, насилию... В массе своей они не были врагами советского общества — ни "к/р'ами", ни "а/с'ами". Напротив, их уничтожение нанесло сильнейший удар по способности общества к развитию и обороне. Огромные человеческие потери в 1941-1945 гг. были во многом продолжением потерь 1937-1938 гг. Подавленное общественное мнение, утраченная способность к выступлению против разрушительных действий власти, к элементарной самозащите, столь характерные для населения нынешней России, также — наследие сталинского "Большого террора", начавшегося в 1927 г. и прерванного только в 1953 г.

¹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 32.

² *Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner People's Commissar Nikolai Ezhov. 1895-1940. Stanford, 2002. P. 103-104.*